

DOWN

Менеджерам нового поколения посвящается

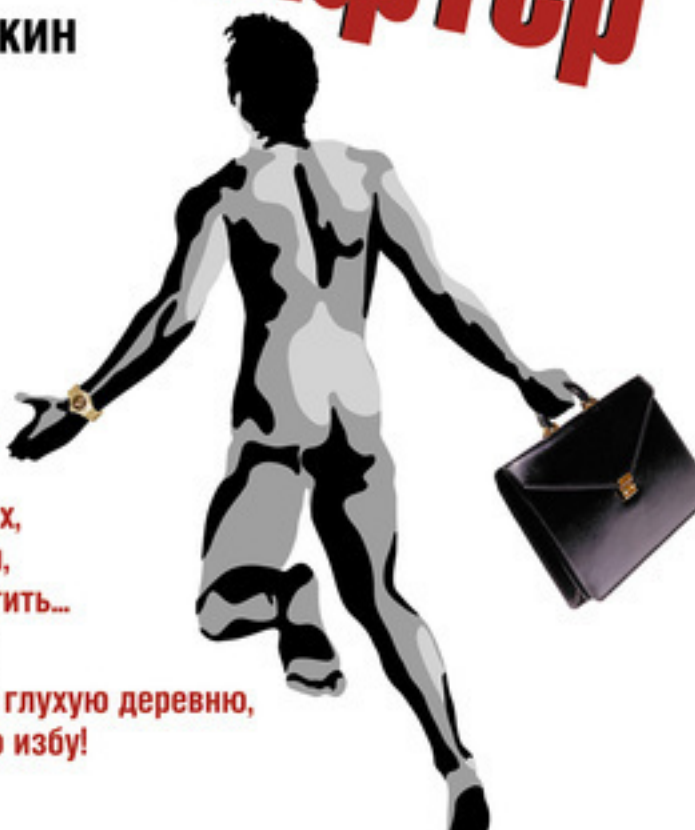
Макс
Нарышкин

Шифтер

Корячиться
полжизни,
ползти вверх,
пригибаться,
лизать, льстить...

На хер!

Отпустите в глухую деревню,
в трухлявую избу!

Макс Нарышкин

Downшифтер

«ЭКСМО»

Нарышкин М.

Downшифтер / М. Нарышкин — «Эксмо»,

Представляют ли опасность эти люди для общества – еще никто не задавался целью выяснить. Зато известно, что они – бомба замедленного действия для корпораций. Их мысли – потемки, их души – загадки. Достигнув пика карьеры и получив от жизни все, о чем только может мечтать человек, они вдруг добровольно отказываются от всего. Их называют дауншифтерами. В строгом костюме руководителя, под маской успешного бизнесмена у руля крупной компании может оказаться человек, способный за день уничтожить отлаженный корпоративный механизм и переодеть весь коллектив топ-менеджеров в лагерные клифты. Он уйдет, унося с собой тайны фирмы, и кто станет их обладателем в будущем, не может предсказать даже сам Господь Бог... Дауншифтинг – это не мода. Это осознанная необходимость увидеть мир таким, каков он есть. Это билет в один конец, и придется еще немало потрудиться, чтобы он не стал билетом на собственные похороны.

© Нарышкин М.

© Эксмо

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Макс Нарышкин

Downшифтер

Пролог

В ту пору я работал главным редактором местной газеты «Алтайский вестник». Сорокалетний возраст и нежелание уезжать в Москву позволяли мне чувствовать себя в редакции синьором. Справедливо рассудив, что все, на что я могу рассчитывать в Москве, это должность младшего редактора в какой-нибудь невзрачной газетенке с сомнительным директоратом, а скорее всего вообще останусь без работы, ехать в столицу я не спешил, не спешу и сейчас, о чем, признаться, не сильно жалею.

Через двенадцать лет после начала работы в «Вестнике» я стал главным его редактором и заодно вел рубрику криминальных происшествий. Я не планировал этого заранее, все вышло само собой, к криминалу и его описанию я никогда не имел отношения. Скорее всего вышло так потому, что за работу в колонке о криминале мне платили столько же, сколько за колонку о сельском хозяйстве, но, чтобы написать статью о сельском хозяйстве, нужно было попотеть, в криминальной же рубрике мне частенько не о чем было писать, и я добросовестно переписывал туда рассказы о Шерлоке Холмсе. Кроме того, мое приобщение к криминальному чтиву выгодно располагало ко мне коллег, поскольку человек, имеющий хоть какое-то отношение к борьбе с криминалом, по моему мнению, вызывает уважение. Бесспорно, что в том и другом сказалось мое запоздалое честолюбие, требовавшее сатисфакции за все промахи моей жизни.

В общем, из написанного очевидно, и скрыть это невозможно, – я безмерно страдал на самом краю мира. Работа в газете с зычным названием «Алтайский вестник», который с равным успехом можно было назвать и «Шаманским», поскольку добрую часть в нем занимали рецепты бывалых знахарей и советы, как правильно толочь коренья, унижала меня до глубины души, интересной работы не было, и оттого, видимо, я имел вечно надменный вид, как бы объясняющий, что мое нахождение здесь лишь временное явление, такое, к примеру, как наказание журналиста ВВС, сосланного на Яву за нарушение трудовой дисциплины в головном офисе в Лондоне.

Дожди в октябре зарядили невиданные, так что я даже перестал ходить на обед в столовую, расположенную в ста метрах от редакции. Мною овладела межсезонная лень, а в отсутствие толковых статей сотрудников, особенно внештатных, в которых, прежде чем понять смысл, нужно было исправить сотни ошибок, эта лень трансформировалась в диковинную обломовщину. Наверное, я спал бы и умывался за столом, если бы это не вызывало недоумения вокруг. Воры в такую погоду в Алтае на улицу не выходят, и все, что мне оставалось, это грезить о спектаклях Любимова в живом формате и верить в то, что когда-нибудь в этом забытом дьяволом местечке случится что-то невероятное. Я, если к тому времени не отупею окончательно, распишу эту тему, буду подмечен центральными изданиями и за меня меж ними вспыхнет чудовищная междоусобица. Победит тот, кто положит мне самое большое жалование, и Москва встретит меня, распахнув объятия. Но я торопиться туда не буду, и победители будут страдать и нервничать. Так я думал, дожди шли вторую неделю, но все, что за это время случилось, – это покусание бродячей собакой брата начальника отдела кадров Дома быта и падение со второго этажа маляра с ведром краски. Благодаря такому ходу истории, скажу я вам, меня скоро не в Москву переведут, а вообще сократят.

В то утро передо мной лежала статья местного жителя А. Ынгарова. Наконец-то я встретил человека, фамилия которого начинается на букву Ы. Это, видимо, меня и подкупило. Я принял материал к рассмотрению, потому что на конверте было написано: «Креминал». По

написанию первого же слова уже было ясно, что меня ждет, но это было первое письмо за две недели, и я, судорожно вздохнув и снова вспомнив Любимова, вскрыл ножницами конверт.

Суть статьи была такова. Тов. Ынгаров, дай бог ему здоровья, предлагал экономить воду. Для этого им предлагалось следующее. Стиральную машину-автомат нужно устанавливать таким образом, чтобы шланг слива отработанной воды уходил не в канализацию, а в бачок унитаза. Таким образом, холодную воду за ненадобностью в туалете можно вообще вырубить, поскольку для слива экскрементов будет использоваться вода из стиральной машины, и в этом рационализатор Ынгаров видел экономию. К письму прилагался чертеж сооружения, тов. Ынгаров настаивал на признании его изобретения гениальным. Нарисованное от руки сооружение решительным образом напомнило мне стоящую на сцене певицу из голливудского блокбастера «Пятый элемент». Попутно, для пушей уверенности в том, что туалет будет находиться в чистоте, он рекомендовал использовать раз в неделю «Креминал». Покопавшись в памяти и произнеся «Креминал» вслух несколько раз, чем порядком удивил младших сотрудников редакции, я вспомнил, о чем идет речь. Крем «Инал» продается в местных магазинах как рекомендуемое средство чистки водопроводных труб. Мною овладело бешенство. Причиной тому было, конечно, не письмо человека, которому на Алтае личной проблемы не сыскать днем с огнем, и потому он решил одарить таковой окружающих, а моя сермяжная жизнь вообще. Я сел и написал ответ, при этом не отказывал в публикации и не благодарил за сотрудничество. Я задал в письме автору единственный вопрос и попросил на него ответить. Выглядел он так: «Нужно ли каждый раз, когда захочется в туалет, начинать стирать белье?» Поставив подпись, я бросил письмо в корзину для отдела контактов и направился в угол кабинета заваривать кофе.

И тут появился он.

Молодой человек лет тридцати или около того вошел в огромное помещение, которое мы называем «нашим кабинетом», вежливо поприветствовал находящихся в нем женщин, и после его вопроса я перестал брнчать в чашке ложкой.

– Скажите, кто у вас здесь заведует криминальной темой?

Я посмотрел на гостя. Это был очень хорошо одетый мужчина, ростом выше среднего, он был крепок в плечах и держал в одной руке тонкий кожаный портфель, чем, несомненно, располагал к себе, а в другой – завернутый в почтовую бумагу и перевязанный бечевой четырехугольный предмет, несомненно тяжелый, чем вызывал, напротив, опаску. Я не люблю людей, приходящих в редакцию с большими предметами, подлинная суть которых скрыта за плотной упаковкой.

Отозвавшись, я повел его в свой закуток и уже там, пригласив присесть, как следует рассмотрел. Я не верю голубым глазам, но на этот раз почувствовал доверие. Глаза смотрели на меня без намека на необходимость двойного чтения прячущихся в голове мыслей, но еще большее доверие внушал спокойный и даже смущенный вид. Единственное, что не вписывалось в общий портрет привыкшего к размеренной жизни, расчетливого человека, был тонкий красный шрам на верхней губе. Впрочем, он не портил созданного мною образа гостя и придавал ему некий романтизм только что вернувшегося из джунглей старшего научного сотрудника.

Представившись человеком издалика, молодой человек спросил, не слышал ли я чего о событиях полуторамесячной давности, всколыхнувших тишину и размеренный ход жизни городка к западу от Барнаула.

Об этом городке я знаю немного, бывал там пару раз, последний из них – неделю назад. Единственное, чем впечатлился, это грандиозное по нынешним меркам строительство церкви на месте старой. Говорят, в старой убили священника, но принимать это на веру я бы не торопился, поскольку в городках таких много о чем говорят, и подавляющее большинство баек – поросшие мхом небылицы. Например, совсем недавно житель Барнаула видел самого настоящего черта. Черт сидел на лавочке у его подъезда, курил на пару с соседом папиросу и, увидев

жителя, сказал ему: «Ах, горемыка ты, горемыка...» Вызванный женою жителя и прибывший к месту нахождения черта патруль успел вовремя – муж уже разыскал в сарае топор.

Отчасти жители, шепотом рассказывающие свои истории, наверное, правы. Что-то неладное происходит в последнее время с этим городком. Вот и церковь стали строить невероятную, если учесть бюджет города, что же касается церкви на улице – кажется, Осенней, – то ту, наоборот, снесли. Такое на нашей родине уже случалось, однако, когда снесли эту церковь, на Осенней, никто не протестовал и правителей не хулил. Разламывали храм сами жители. Впрочем, не храм даже, а то, что осталось после пожара. Причину самовозгорания храма установить не представилось возможным, поэтому в протоколе пожарного инспектора так и было написано: «Вследствие короткого замыкания проводки». В общем, церковь сначала сторела, а потом ее доломали. Это невероятно, однако причины тому, видимо, были, и оттого передающиеся из уст в уста истории не кажутся такими уж нереальными.

Что же касается событий, о которых говорил гость, я о них тоже слышал, и они до сих пор еще бередают умы сельчан и сыщиков и обрастают сплетнями и небылицами ввиду отсутствия достоверной информации. Поскольку городок не вписывался в очерченную государственным устройством зону действия нашей редакции, я особенно не вникал в их суть и лишь сожалел, что одна за одной наступившие в течение недели смерти случились не под моими окнами, а далеко от них. Я сказал молодому человеку, что о событиях наслышан, но мне известно о них лишь то, что связаны они с каким-то приезжим, запомнить которого толком никому из горожан так и не удалось. Говорят, человек имел в Москве много денег, но вдруг оставил в столице работу, рассеял свой круг знакомств, отказался от нажитого капитала и приехал в глубинку, чтобы остаться в ней навсегда. В городке он прожил всего неделю, после чего, испугавшись, видимо, наступивших последствий, уехал прочь. Больше об этой истории я ничего не знал, но не преминул воспользоваться случаем, чтобы выразить свое отношение к главному:

– Видимо, речь идет о сумасшедшем, потерявшем себя в Москве и не нашедшем там, где он решил себя обрести. Уставшее от восторгов жизни молодое поколение в отсутствие возможности желать что-то еще начинает придумывать себе новые развлечения. Это неминуемо приводит к трагедии, а если не к трагедии, то к окончательной дезориентации в социуме.

– Тогда нам есть резон познакомиться поближе, – сказал мой собеседник, улыбнувшись чему-то и снова застыдившись своих слов. Это был очень мнительный человек, и в этот момент мне подумалось, что он, верно, приехал как раз из Москвы, из редакции какой-то газеты, чтобы набрать материала и раскрутить его в столице. Такой маневр мне известен из знакомства с сотрудниками городского УВД. Сыщики из ГУВД приезжают в район, где случилось преступление, ведут разговор о том о сем с местными операми, маленько выпивают, уясняют суть, после чего быстро раскрывают преступление и увозят добычу в ГУВД.

Я не был против знакомства, но понял, что ухо с этим приезжим нужно держать остро.

– В свое время я был близко знаком с этим человеком – сумасшедшим, как вы его назвали. С человеком, который устал от восторгов жизни. Это о нем ходят слухи, опровергать которые ни я, ни он не хотим ввиду их нелепости. А потому обратиться к вам меня заставила не жажда торжества справедливости, а личная выгода. Он попросил меня написать правду о тех событиях и сбросить груз, нести который ему нет никакой необходимости. Лучше всего это выразить в виде литературного произведения, поскольку чего меньше всего хочется моему другу, так это интереса к этой правде правоохранительных органов.

Дело принимало новый оборот, и мой кофе остался остывать на углу стола.

– И что вы хотите? – тоном кровожадного человека спросил я.

Он нарочито медленно, как мне показалось, поставил портфель себе на колени, открыл его и вынул компакт-диск. Когда коробка с яркой этикеткой оказалась на моем столе, мужчина бросил портфель себе под ноги и придвинул диск ко мне еще ближе.

– Здесь вся правда о том, что происходило в те семь дней, что он находился в городке. Исповедь дауншифтера, если хотите. Не верьте слухам, не слушайте, что говорят сыщики. Вся правда – здесь, – и он постучал ногтем по коробке.

– А что – здесь? – Я чувствовал, что мне вручают тайну, новым хозяином которой я не хотел бы быть.

Молодой человек подумал и пожал плечами:

– Я не слишком силен в литературных определениях. Я писал так, как мне позволяло высшее образование и мои ощущения. Не исключено, что это роман, хотя вы, как профессионал, можете счесть материал достойным урны. Впрочем, мой друг не настаивает на публикации этой вещи.

– Зачем же тогда вы пришли в редакцию?

То ли подумав, то ли просто выискивая повод, чтобы закурить, он сунул руку в карман, и я придвинул к нему пепельницу.

– Рискую показаться неоригинальным, – сказал он, затянувшись, – но, думаю, им руководит только проблема очищения души. Очень многое, если не все, осталось в этой истории недосказанным, а это значит, что он является носителем тайны. А он не хочет быть носителем тайны. Тайна – это тяжесть, которая заставляет подбирать слова и быть осторожным. Но он устал быть осторожным, и пока вся правда тех событий находится у него в голове, за семью замками, он никогда не добьется того, к чему идет вот уже два месяца.

– А к чему он идет, позвольте вас спросить? – с издевкой поинтересовался я.

Но ему мои нравственные изыскания были безразличны. Он, как и в первый раз, пожал плечами, поморщил лоб и ответил:

– Ему двадцать восемь. Самое время начинать новую жизнь.

– Мы не печатаем романы, – подумав, ответил я, уже зная, что вставлю диск в компьютер сразу, как только посетитель уйдет.

– Тогда издайте его под своим именем, – произнес парень и сухо рассмеялся. – Гонорар тоже заберите себе, мне он не нужен. Поправьте его, отредактируйте и издайте, ну, в той же Москве, я не знаю... За рубежом, если это будет кому интересно. Впрочем, можете и не издавать. Сам факт того, что мой друг поделился тайной хотя бы с двумя людьми, снимет с него груз ответственности.

– А кто первый?

– Я.

Сейчас он напомнил мне рационализатора Ынгарова. Тот тоже полагает, что изменит мировой взгляд на оборудование туалетных комнат. Еще больше мне не понравилось перекладывание какой-то ответственности на мои плечи. Надо сказать, что, прохаживаясь голым в этой редакции вот уже двенадцать лет, я совсем позабыл о таком понятии, как «ответственность», и, признаться, вдаваться в суть его определения снова мне уже не хотелось, да и, кажется, возраст был уже не тот.

Не знаю, что он там написал, но устно мысли свои он высказывал складно и доходчиво, и я не хотел бы попасться ему на язык в момент обострения его красноречия. Я засиделся в этой глуши порядком и отмечаю тот факт, что, когда ко мне приходят образованные люди, начинаю разговаривать одними вопросами, и уважения это ко мне, конечно, не добавляет.

– Хорошо, – сказал я, закругляя разговор. Положив руку на диск, я похлопал по нему ладонью и еще раз посмотрел в глаза странного гостя: – Вы оставили здесь свои координаты?

– Зачем? – удивился он. – Я же сказал, что мне ничего не нужно. Единственное, что я сделаю, это позвоню вам...

– Месяца через три, – живо подсказал я, заметив в его глазах вопрос и решив сразу дать ему понять, что в этой редакции люди не в потолок плюют, а занимаются делом. И лишь только

потом, закончив главные дела, переходят к изучению литературно-художественного творчества читателей. – Не раньше. Сейчас материал валом идет, жатва только закончилась, озимые...

Он посмотрел на меня с упреком, словно недоумевая, каким образом озимые могут помешать редактору криминального отдела редакции прочесть его материал. Впрочем, вслух он не сказал ни слова. Кивнул и поднялся.

– Но вас ведь как-то зовут?

– Мое имя не может играть никакой роли для издания этого романа. Вставьте любой псевдоним. Что же касается моего друга, то пусть он останется для вас Артуром Бережным – так он просил назвать себя в... – он хотел сказать: «в романе», но вспомнил, видимо, про озимые. – ... в этом материале. И напоследок одна просьба. Я оставлю вам это, – он указал на пакет. – Не мне принадлежит – не мне хранить. Когда развернете, поймете, где ей место.

– Ей? – уточнил я на всякий случай.

– Вот именно. – И молодой человек протянул мне руку и для прощания, и в качестве благодарности за то, что у меня не хватило ума отказать в приемке багажа.

Как только я пожал ему руку и за ним закрылась дверь, я тотчас включил компьютер, и вентилятор мгновенно вышиб из машины столб пыли. Пока морально и физически одряхлевший «Пентиум» третьего поколения загружался и истерически подмигивал мне, я вспомнил о пакете.

Секунду подумав, я сорвал с конверта бечеву, разодрал бумагу и интимным взглядом, еще не понимая, что передо мной, посмотрел на предмет...

Дыхание мое перехватило, я метнулся к окну, чтобы окликнуть того, кто мне *это* принес. Я с грохотом откинул форточку и даже, по-моему, крикнул, но мужчина уже садился в машину и закрывал за собой дверцу.

Тяжело дыша, я опустил на стул и откинул мешавшую мне видеть предмет целиком бумагу.

Передо мной стояла на полу Троеручица... Покровительница странников и путешественников, она удерживала Христа тремя руками, и на серебряной цаце ее, на лице Иисуса и сияющем нимбе застыли бурые пятна. Давно пролитая кем-то кровь окропила икону, словно жертвенной влагой...

Уже чувствуя приближение неприятностей, я оглянулся в надежде убедиться, что мое поведение полоумного никто не заметил, завернул икону и, решив сначала поставить ее под стол, почему-то испугался и поставил ее рядом, хотя никакой зримой разницы при этом не обнаружил.

Диск въехал в устройство, и я сразу начал читать роман, не заметив того момента, когда меня повели по следам чужой прожитой жизни.

Говоря о том, что более важные дела откладывают прочтение и, следовательно, рецензию на три месяца, я солгал и сейчас очень об этом сожалел. Коллеги уже давно ушли домой, а я все сидел у монитора, дымил сигаретой и ловил взглядом стремительно летящие передо мной строки.

С первых же строчек я почувствовал тягу к чтению романа, а если уж потянуло меня, человека, который вправе называть себя критиком, значит, произведение стоило того, чтобы я дочитал его до конца.

Он наделил меня правом корректировать и издавать свой роман, и я, наверное, этим правом воспользуюсь. Иначе я не представляю, как еще люди могут узнать о тех событиях. Я изменю имена главных героев и место действия, потому что не хочу, чтобы однажды в мой дом вошли сыщики из ГУВД. Это как раз та категория лиц, которым трудно объяснить, как человек написал роман, после чего передал его другому человеку для издания под своим именем, отказался от гонорара и уехал в неизвестном направлении. Чтобы понять это, нужно прочесть

сочинение автора до конца, а я не думаю, что у сыщиков из ГУВД Барнаула будет время для такого занятия.

Решено, я издам роман. Быть может, многие, решившие пойти дорогой Бережного, вовремя одумаются. Но, что бы ни случилось далее и когда бы странный гость ни справился о судьбе своего романа, я буду ждать этого мгновения с нетерпением. У меня есть к нему разговор. Очень серьезный разговор. И плох тот, кто, прочтя все, что расположено ниже этих строк, не будет иметь такого же страстного желания.

Я очень хочу снова встретиться с этим человеком, представившимся другом Бережного, еще больше хотел бы встретиться с самим Артуром, но не знаю, случится ли это...

А теперь я предоставляю вам возможность познакомиться с его новой жизнью, той, которую он добровольно принял, отказавшись от всех благ в Москве. Кроме имен и места событий, повторюсь, я не изменил ни единого слова, так что вы можете прочесть роман в том виде, в котором я его получил. И да поможет вам бог...

Глава 1

На алтарь величия этой компании он положил многое, если не все. Когда президент сказал ему: «Дима, я рад, что у тебя будет ребенок, но теперь я понимаю, что семья будет отнимать у тебя время», он велел жене сделать аборт. Уходя, она сказала ему: «Ты псих». Он стерпел это, потому что знал – вернется, успешных не оставляют. Как только он займет освободившееся место начальника отдела, она поймет, ради чего были сделаны жертвы, и вернется. А ребенок что? Он еще не родился, он даже не выглядит человеком на третьем месяце, он весом-то всего с пачку масла, какой это человек? Дети еще будут. И вот когда он займет место начальника отдела, он позволит себе расслабиться и начать тратить то, что заработано за годы сумасшедшей гонки. На жену, детей. Он будет путешествовать. Да, да, обязательно будет. Но чуть позже. Совет директоров не может не видеть его стараний. Через три-четыре года, когда кресло начальника отдела будет для него тесно, ему предложат должность вице-президента.

Он знал наверняка, что предложат. Таковы корпоративные правила. Есть высоты, которых достичь невозможно. Они передаются из рук в руки наследникам, но близость к этому кругу гарантирует невероятные перспективы тем, кто находится внизу пирамиды. И пока есть время и силы, нужно двигаться. Не то движение начнет кто-то рядом и опередит. А это означает потерю не только времени, но и места вообще.

И он двигался. Он забыл, когда в последний раз звонил родителям. Дважды они приезжали из Саранска в его дом, и жена со смущенной улыбкой извинялась за то, что его срочно вызвали в командировку, и он-де даже не успел толком с нею-то попрощаться. А он действительно находился далеко. Неправда жены заключалась лишь в том, что он мог выбрать между поездкой и встречей с родственниками, которых не видел два года. Но теперь, уходя, жена сказала: «Пусть им лжет кто-нибудь другой. Ты – псих, и ради твоей скотской должности я убила свое дитя. Я ненавижу тебя». И ушла.

Но он знал – вернется. Сразу после того как он станет начальником отдела. Конкурс вошел в заключительную стадию, и теперь у жюри не должно быть даже сомнений в том, кто должен занять это место.

Еще в пятнадцать часов, перед самым ланчем, он о чем-то разговаривал с консультантом по продажам Верой Звонаревой, нервно хохотал и, показывая головой на закрытую дверь, за которой заседало жюри, острил: «У них, верно, голова пухнет!» И хохотал. Он точно знал, какое будет решение. Четыре года он отказывал себе во всем. Он убил своего наследника, потерял семью, он уже и не помнил, когда в последний раз смотрел старый добрый фильм или читал что-то, кроме сводок и отчетов, так может ли быть такое, чтобы решение было другим? От бессонницы он лечился порошками, обедал в кабинете жидким горячим суррогатом, предлагаемым «Магги», он бы мог перечислить еще с добрый десяток глупых поступков, лишаящих его полноценной жизни, но ни за что бы на свете не вспомнил, когда у него в последний раз был секс. Кажется, как раз в тот день, когда был зачат этот, помешавший его карьере ребенок, которого выскребли сразу, едва президент сообщил ему свои сожаления по поводу беременности его жены. Теперь жена ушла, и секса не было вовсе. Не то чтобы не хотелось, просто не было времени, а за отсутствием его, свободного, хотелось не так уж сильно.

– Кажется, тебя можно поздравить, – сказал консультант по работе с дебиторами Гриша Заев, проходя мимо стола, на котором сидели в ожидании решения жюри он и Вера.

Он глупо улыбнулся, отмахнувшись тем, что, мол, нет ничего смешнее этих заседаний. Всем ясно, что ему место не светит, что на него больше подходит Григорий Заев, он говорил еще что-то, из чего, напротив, следовало незамедлительно догадаться о его уверенности, что выберут непременно его, а не Заева.

Его можно было пригласить в курилку и там посмеяться над формализмом совета директоров вместе, но четыре года назад, узнав, что никто из совета не курит, он бросил сразу и решительно. Он даже увлекся конной выездкой, потому что лошадей какой-то особенной, нежной любовью любил президент.

Он скакал на лошади в Тропаревском конном клубе, как на корове, отбивая себе яйца и почки, но бросить это занятие уже не мог. Его тоже засасывала любовь к лошадям. Он стал различать в их глазах печаль и грусть и, когда президент просил подержать ему стремя, с готовностью соглашался, сетуя на то, что Эфир нынче немного нервен, и советуя президенту быть осторожнее.

Вечерами, говорят те, кто бывал у него вечерами, он не мог успокоиться, все время порывался говорить о продажах, вставал из-за стола, расплескивая пиво, и быстрым шагом шел к столу, торопясь записать идею, подвернувшуюся во время разговора, который этого совершенно не предполагал.

Он приближался к своей цели столь уверенно, что самой мысли о том, что выберут не его, а Заева, в голове его не присутствовало.

А потому, когда его пригласили на заседание и объявили, что начальником отдела продаж выбран Заев, он продолжал улыбаться и смущенно мять пальцы. Да, конечно, Заев. Все правильно. Президент и совет директоров ошибиться не могли. Здесь не ошибаются. Иначе бы компания не была столь могущественна. Вот на таких вот винтиках, как он, Заев, и президент и компания и движутся вперед. В едином корпоративном порыве, когда вся семья единомышленников...

Ему сказали, что после долгих обсуждений двух кандидатур выбор было решено остановить все-таки на Заеве. Рвение второго кандидата оценено по достоинству, и нет, верно, причин, унывать. Все будет, сказал президент, и ему вторил совет, о'кей.

Он вышел из зала и направился напрямик в кабинет. «Ну, можно поздравить?» – спрашивали его по дороге. Он нервно кривил рот, полагая, что улыбается, и говорил о том, что был уверен в выборе Заева.

Зайдя, он заперся и зачем-то позвонил жене. Разговор не склеился, из фраз жены выходило, что на развод она уже подала, и встречать ее не нужно, поскольку это делает другой, и чего еще не нужно, так это нелепых сцен, поскольку все люди серьезные, а он так в первую очередь, поскольку лучше всех знает, что такое нравственный самоконтроль. Глупо, глупо, сказала она и, помявшись, сообщила о том, что три дня назад ей звонили на сотовый его родители, и она на всякий случай сказала, что он в командировке, но он обязательно перезвонит, как только вернется.

Не найдя на столе ничего подходящего, он увидел сумочку Веры, нашел в ней помаду, машинально, как привык делать это всегда, запомнил, что от «Буржуа», придвинул к стене стол, забрался на него и стал писать. Писал он до тех пор, пока тубус не начал царапать покрытие.

Когда дверь сломали, женщины с криком попятились, а я на правах вице-президента вошел первым...

Он привязал шнур от портьерной кисти к трубе у самого потолка, затянул на своей шее петлю и, поджав ноги, прыгнул с подоконника. Веревка оборвалась, но за мгновение до этого сломались его шейные позвонки.

И сейчас он сидел, прислонившись спиной к стене, и его розовая сорочка до самого ремня была залита вылившейся из горла кровью. Галстук сиял от влаги, и казалось, что это именно он, а не петля был виной тому, что Журов, самый, наверное, жизнерадостный и целеустремленный человек в компании, перестал жить.

На стене слева от него аршинными буквами было написано: «Я НЕ НАВИЖУ ВАС, ТВАРИ! Я, А НЕ ЗАЕ...» Видимо, последнее слово было – «Заев». Должен был быть, вероятно, и восклицательный знак в конце. А то и два. Но помада кончилась, и об окончании посла-

ния нам, «тварям», можно было догадываться, лишь приглядываясь к глубоким царапинам на штукатурке.

Я смотрел на него, сидящего у батареи отопления, с тем равнодушным отвращением, с которым всегда смотрят на умершего неблизкие ему люди. С таким же чувством я смотрел бы и на жабу, прыгнувшую мне на ботинок, и на проползшего мимо меня ужа, и на дохлую собаку. Ни жаба, ни уж, ни собака не сделали мне ничего плохого, они были отвратительны только потому, что были. Так устроен мир – кто не любит жаб, ужей и дохлых собак, тот их ненавидит без каких-либо на то причин. И это бездыханное тело с мутными глазами, вывалившимся языком и заострившимися чертами лица мне тоже ничего плохого не делало сейчас и не делало ранее. Напротив, оно делало только то, что хотел я. Но это был уже не тот человек, которого я знал и немного презирал, а нечто лишнее в этом кабинете, предмет, совершенно не вяжущийся ни с политикой компании, ни с ее слоганом «Мы делаем жизнь лучше». Скорее он, этот труп, опровергал слоган. Он всем своим видом противопоставлял себя корпоративной дисциплине.

Если бы не начальник службы безопасности по фамилии Гома, остановивший мое распоряжение сразу, едва оно прозвучало, то его незамедлительно бы выполнили: вынесли труп на улицу. Я слышал о том, что смерть человека нужно описать, оприходовать и что тело после увезут с какой-то бумагой на специальной машине. Но все мое существо требовало немедленно вынести тело из здания. Прежде чем прислушаться к начальнику службы безопасности и отменить приказ, я успел подумать о том, что все равно труп нужно вынести. Само его нахождение здесь отрицало принципы конструктивной политики компании.

Президент был того же мнения, но было ясно, что это не что иное, как шок.

«Конечно, мы поможем семье и организуем похороны», – сказал я следователю, уже убедившемуся в том, что причиной суицида стало число 600. И только после этого узнал, что жена от Журова ушла, что он приказал убить собственного ребенка и что родители у него живут, оказывается, в Саранске.

А теперь о числе 600. Следователь подкатил на удивление образованный, почитывающий в свободное от расследований время книги философов. Я точно знаю, что долго он при такой образованности не удержится. Руководители на дух не переносят людей, знающих то, чего не знают их руководители, особенно если эти знания неожиданно интересны. Но вот, посмотрика ты! – он знает о числе 600. То есть мы с ним читали одну и ту же книгу. Не знаю, в чьей редакции читывал ее он – мне кажется, что в другой, поскольку у меня есть основания полагать, что он не знает английского, мне же таить нечего. О числе 600 я узнал из источника, заслуживающего мое доверие, – из материалов исследований американских психологов, состоящих на службе в ЦРУ.

Оказывается, если у тебя срезали кошелек, можешь смело записывать в свой пассив 30 очков. Если у тебя умер дядя – 60. Мама – 100. Если тебя отmaterили на улице – вноси в графу 10 очков, если избили – 50, а если при этом сняли вещи – 70. Если от тебя ушел любимый человек, то, как бы ты ни старался логически обосновать необходимость его ухода, придется внести в графу «потери» не менее 80. Предательство друга янки оценивают в 70, известие о заражении венерическим заболеванием – в 50, потерю работы – в 100, авторитета – в 80 и так далее и тому подобное. У каждого явления существует свой тариф. И каждую неприятность, предлагаемую жизнью, тебе придется выкупать за предлагаемую сумму независимо от твоего желания.

Все ничего, смерть близкого человека сама по себе – потрясение, но потрясение проходит, как и все в этом мире. Рано или поздно ты все равно списываешь набранные очки, как списываешь финансовую задолженность авансовым отчетом. Но в американской теории есть трагедия, поскольку иначе и быть не может, чтобы была Америка, но не было трагедии.

Главный принцип теории американских психологов заключается в том, что нельзя себе позволять накапливать неприятности. К потере денег или к разводу нужно относиться макси-

мально спокойно. Но рано или поздно в жизни многих случается так, что часы бьют неожиданно, и ты оказываешься не готов к встрече нового дня. Дело в том, что само по себе число 100 или 30 ничего не значит. Однако если у тебя утром срезали кошелек, в обед ты узнал, что скончалась твоя тетя, а ближе к вечеру ты возвратился домой и обнаружил, что тебя обворовали, и обворовали как раз в тот момент, когда жена занималась любовью с соседом в квартире напротив, то все числовые значения произошедших событий придется сложить. И штурмить тебя будет, стало быть, уже по полной программе того числового значения, на которое ты набрал взятку при игре с жизнью в покер.

Если сумма неприятностей зашкаливает за 600, человек уже не владеет собой. Его ведет что-то другое, упущенное вниманием бога, нечто темное и невероятно сильное духом, точнее, бездухом. Человек хладнокровно наматывает на локоть срезанную на балконе веревку, вынимает из футляра опасную бритву или вставляет в прорезь карточку метро, точно зная, что через две минуты окажется на рельсах. И его ничто и никто не сможет остановить. Через десять минут он или повиснет в ванной, или вскроет вены, или размажется по всей длине рельсов на станции «Серпуховская».

Через неделю после того как Журов был похоронен, а следователь закончил свое следствие, я сел за стол в своем кабинете, чтобы закончить свое расследование.

На моем листе красовалась цифра 500. Столько очков я насчитал в послужном списке самоубийцы за последнюю неделю его жизни. Десятки людей, очевидцев, психологов и друзей Журова восстанавливали недельный цикл жизни самоубийцы так же, как собирают в ожерелье сотни жемчужин руки детишек из Юго-Восточной Азии. Я всеми силами старался найти недостающую сотню, и начальник службы безопасности, с которым я провел эти семь дней, решил, наверное, что я тоже тронулся. Но последних ста баллов я так и не сумел отыскать.

Отвергнутый советом директоров кандидат на пост начальника отдела региональных продаж сунул свою голову в петлю, имея в пассиве 500 баллов.

И это скверно для моего следствия, поскольку американские психологи уверяют в том, что решение расстаться с жизнью к человеку неминуемо приходит только тогда, когда судьба над ним посмеялась на все 600.

Я был тем, кто при подавляющем количестве голосов против Заева встал и сказал:

– Уважаемое жюри, я знаю Журова шесть лет и, как первый заместитель президента компании, не могу сказать о нем ничего плохого. Однако назначать на один из ключевых постов компании человека, о котором можно сказать лишь то, что о нем нельзя сказать ничего плохого, было бы непростительной глупостью. Он чересчур старателен, факт, он обладает хорошей памятью, поспорить и с этим невозможно. Он хочет подняться по служебной лестнице, и это похвально. Но у него нет той восхитительной особенности очаровывать людей, какая присуща Заеву. Мой выбор – Заев. Прошу жюри принять обоснованное, беспристрастное решение, мою же речь рассматривать только как желание члена жюри высказать свое мнение. На то имеет право каждый из нас, не так ли?

Буду откровенен, среди этих двоих куда больше мне нравился Заев. Была в нем какая-то жилка, не до конца еще развитая, но уже с намеками на мастера. Ему, как и Журову, не хватало чуть-чуть опыта, немного сообразительности, оригинальности и дерзости. Но Заев потерянные очки мог набрать уже через год, он двигался вперед, спотыкаясь о камни маркетинга, но все-таки поднимаясь. А Журов, тот волок за собой воз по ровной, наезженной колее, и ему не хватало сообразительности чуть-чуть прибавить, чтобы груз был доставлен быстрее. И он не поднимался, он не смотрел по сторонам, пытаясь понять, где находятся участвующие с ним в одной гонке конкуренты, он просто пахал без отдыха, как добросовестный госслужащий. Я не берусь утверждать, что это плохо, но компания по продаже сухих смесей – очень хрупкая инстанция. Если ее своевременно не подпитывать энергией и хитростью, она рухнет, подняв облако из этих смесей.

Последние несколько месяцев совет директоров пристально наблюдал за этими двоими. Выбрать из дерзкого и упрямого и педантичного и взвешенного оказалось непростой задачей. Совет следил за тем, как они реагируют на рынок, какие идеи их ведут и как Заев и Журов относятся к поражениям. Признаюсь, я помогал Заеву. Что-то подсказывало мне, что именно он, а не его честолюбивый соперник укрепит наши позиции в регионах. Вместе с советом я смотрел за их работой без комментариев ровно месяц. Когда же убедился в том, что смотреть за тем, как работает Заев, мне приятнее, я стал ему помогать. Негласно, конечно, узнай об этом совет, эти мнящие себя гениями производства и сбыта бонзы посчитали бы себя оскорбленными. Еще бы, мать-перемать! – они тут целых тридцать дней не спят, не едят, все наблюдают и оценивают, свою бесценную энергетику транжируют на лохов, а Бережной тем временем с ними в дурачка играл!

Но я делал так, чтобы никто не узнал.

Хороший флешбэк Заев получил, «присоединившись» по моему совету к гастроям второсортных звезд. Самолеты с «Корнями», «ВИАГРой», Петросяном и камарильей «Фабрик» не успевали присаживаться на взлетные полосы Омска, Новосибирска, Магадана и Туруханска, как в магазинах нашей компании во всю витрину вписывались имена тех, кто приезжал. Трехметровые «виагристики» давили стекло своими бюстами, и у их ног располагалась выкладка из наших каш. Я запретил самодеятельному Заеву делать какие-либо пояснительные надписи или рекламные слоганы. Налетать на первосортные иски по факту незаконного использования лика второсортных звезд в рекламе мне не улыбалось. И без того ясно: «Видите, какие сиси? Это от каш, что под нашими сисями». «Каждое утро мы с Женей едим эту кашу, – должен был додумывать омич, глядя на то, как из витрины магазина нашей компании, из-под горы пакетов, улыбается Елена Степаненко, – и вы знаете, какой кейс от этого образовался? У него тоже появилось чувство юмора!» «Я никогда не пел раньше. Мне и в голову не приходило, что с таким голосом можно петь. Я всегда стеснялся выходить на улицу, потому что нужно было просить прокомпостировать билет в трамвае, спрашивать, который час... Но случилось невероятное. Друзья из „Фабрики звезд“ посоветовали мне есть эту кашу. И вы знаете, я запел», – много и подумать нельзя было, вглядываясь в лицо Никиты Малинина, вставленное в витраж магазина и обложенное кашей.

Вызываемый постерами эффект оказывался многократно усиленным крупномасштабной рекламой звезд организаторами тура, и я объяснил Заеву, тихо объяснил, чтобы эхо моего голоса не донеслось до совета, что лучший способ продвижения своей продукции – это не вламывание в проект невероятного по масштабам собственного капитала, а библейски спокойное присоединение к чужому проекту. Затраты на PR – 0\$. Отдача – едва ли не выше, чем у организаторов, едва не потерявших штаны на рекламе. И, главное, никаких претензий со стороны антимонопольного комитета, второсортных звезд и потребителя. Я не знаю, растут ли от наших каш сиси, но что никто от них не протянул копыта – это достоверная информация.

Так Заев стал начальником отдела региональных продаж, а я спустя неделю после этого не могу найти недостающую сотню очков из тех, что ударили по Журову.

В данный момент я имею: невероятный стресс от смерти исполнительного сотрудника, чудовищную усталость за год, полгода назад умерла моя мать, а две недели назад угнали мой «Ауди». К угону следует добавить трату на «Кайен», который в планах на жизнь не присутствовал. Я уже не могу видеть эти стены, подо мной качается пол, и я не ухожу в отпуск разве что потому, что с каждой неделей мой банковский счет пополняется на тридцать тысяч долларов. Вчера мне стало известно, что Бронислав, президент компании, разговаривал обо мне с Гомой, и в этот же вечер на вечеринке в Доме актера у меня пошла носом кровь.

Пока врач ломал ампулы с дибазолом и папаверином и весело болтал, следя за моими зрачками, пока вдавливал мне в вену смесь и говаривал о том, что неплохо бы мне взять отпуск и попить морского воздуха, я думал о том, куда девалась недостающая сотня Журова. Доктор

свидетельствовал, что на Сейшелах нынче удивительно хорошая погода, а я лежал и думал о том, что какой, черт возьми, может быть отпуск, если следящий за каждым моим движением второй заместитель готов тут же представить свой проект на суд жюри. Плохиши в могущественных компаниях приживаются удивительно легко. А еще я думал о том, что еще придумать для розыска недостающей сотни, поскольку если ее не найду, то мне можно смело записывать эту сотню в пассив себе. И чем внимательней я смотрел на свою взбухшую вену, тем отчетливей понимал, что этой сотни может оказаться вполне достаточно для кое-чего.

Глава 2

В 1963 году синоптик Эдвард Лоренц выступил с шокирующим мир заявлением. Все 1963 года от Рождества Христова люди считали, что большие явления являются следствием больших причин. Соответственно, малые, незначительные события появляются на свет благодаря исключительно малым причинам. Лоренц был первым, кто объявил это чушью.

Он спросил себя, и я думаю, что случилось это в тот момент, когда ему в лицо подул ветерок: «Может ли быть такое, чтобы бабочка, взмахнув крыльями в Океании, вызвала тем ураган на западном побережье США?» Этот человек искал ответ на вопрос многие годы и, наконец, ответил на него положительно.

Сейчас это называют «эффектом бабочки», и мало кто догадывается о том, что это открытие является одним из способов выполнения плана компании. Я не имею к этому открытию никакого отношения, но я один из тех, кто его использует. Я наблюдаю его каждый день в магазинах компании, но уверен, что мои продавцы, выполняя все мои установки, не понимают до конца, в чем смысл. На самом же деле они подтверждают закон «эффекта бабочки», закон, где малые усилия приносят огромную прибыль.

Приходит человек и говорит, что ему нужно пять упаковок сухих каш. Девочка за прилавком извиняется и сообщает, что через пять минут заказ будет исполнен. Человеку предлагается кофе, и он со стаканчиком в руке, чтобы убить время, начинает прохаживаться меж прилавков. За те пять минут, что он и еще десять ему подобных со стаканами бродят по магазину, они набирают товара еще в три раза больше, чем планировали потратить на пять пачек сухих смесей.

Через пять минут человеку вручают заказ, рассчитывают за дополнительный товар и вручают в качестве бонуса баночку детского питания, стоимость которой включена в общую стоимость покупки.

Клиент потрясен обслуживанием, не догадываясь, что только что явился объектом превращения в жизнь «эффекта бабочки». Маленькое событие – бесплатная «задержка» заказа принесла компании дополнительную прибыль в 50 долларов.

«Эффект бабочки» распознать невозможно, поскольку невозможно провести все параллели из прошлого к настоящему, дабы произвести анализ. Лишь спустя некоторое время, достаточно долгое, я могу с уверенностью сказать, когда бабочка взмахнула для меня крыльями впервые.

Это неслышное шевеление, о последствиях которого я даже не догадывался, случилось месяц назад.

Во дворе, где я живу, на Кутузовском проспекте, часто появляется один человек. В любое время года он одет в темное (боюсь ошибиться с цветом), изношенное до состояния ветхости драповое пальто, едва достигающее ему до колен. На ногах его кирзовые без шнурков ботинки, из которых торчат лодыжки вечно босых и грязных ног, а на голове порюханная, лоснящаяся от несметного количества лас бейсболка. Зимой он заменяет бейсболку на треух с оторванным козырьком, со слипшимися волосками меха. Он ничего не просит. Он просто приходит и стоит у арки «колодца» моего дома. Первое время я не придавал этим появлениям никакого значения. Москва переполнена бездомными и нищими. Часто случалось так, что кто-то из жильцов дома притормаживал, совал что-то человеку в руку, и тот незамедлительно уходил. У меня же правило – никогда ничего не подавать, поскольку я верую в то, что любой человек, любого вероисповедания и наклонностей, в состоянии наладить свою жизнь так, как наладил ее я. Человек должен работать, чтобы выбраться из порочного круга своих слабостей, он обязан подчиняться сначала дисциплине своей внутренней силы, а потом корпоративной дисциплине

компании, которая увидит необходимость в его талантах. А потому моя машина проезжала мимо этого человека не останавливаясь.

И меня не смущало, что часто я вижу этого мужчину, больного, несомненно, мужчину, с девочкой лет десяти-двенадцати. Мужчина никогда не стоял рядом с аркой вместе с ней. Но всякий раз они вместе куда-то направлялись. Я мог видеть их у магазина, у метро или просто идущими по улице. В последнем случае они всегда передвигались у стен домов и никогда у бордюра или по центру тротуара.

Девочка брела рядом с ним всякий раз со свойственным рано повзрослевшим детям тоскливым ожиданием справедливости в глазах. Я понимал, что она испытывает невероятную неловкость за то, что в Москве скорее больше, чем меньше, мужчин, одевающихся лучше, чем ее папа, – я именно так понимал ее взгляд. Мне не стоило усилий подметить, что испытывает она стыд именно за него, а не за свои заштопанные колготки, поношенное платьице, и неловкость ее связана именно с его растрепанной и давно не мытой головой, а не с ее, хотя и чистенькой головкой, но явно неухоженной. Я часто вижу такие пары. Вечно пьяный отец волочит за собой ребенка с целью зашибить хоть немного денег на бутылку, пользуясь русскими извечными – добротой и состраданием. Мое мнение не менялось долгое время, и причиной того, что мое отношение к этому человеку изменилось, стал один случай, рассказать о котором есть смысл.

Однажды моя соседка попросила съездить в больницу и забрать результаты анализа своего ребенка. Я дружен с ее мужем, он владеет автосалоном на Ленинградском, иногда мы вместе выпиваем, но не в этом суть. Главное, что мало-помалу мы выполняем просьбы друг друга, и лично мне это доставляет удовольствие. Я поехал на работу, пообещав завезти бумажки вечером, и по пути заскочил в поликлинику.

В поликлинике я забрал результаты и уже готов был выйти, как вдруг увидел его. Бродяга был одет как обычно, и ничего нового в нем, кроме разве что медицинской карты в руке да бейсболки, которая на этот раз была не на голове, а торчала из провисшего кармана, я не заметил. Поскольку поликлиника детская, меня заинтересовал сам факт того, что тронутый умом бродяга занимается такими сложными для него социальными процедурами, как привод больного ребенка к врачу. Уже всем давно известно, что дети бомжей никогда ничем не болеют и способны безбоязненно пить даже из лужи. Отбирая у них перспективы на счастливую жизнь, господь дает им столько здоровья, сколько забирает у успешных людей.

Он стоял посреди зала и напоминал подбитую камнем птицу – здесь, среди благополучных мам с чистенькими детьми, он хотел бы, видимо, куда-то прибиться, да не мог. Скособоченный призрак с взлохмаченной головой и торчащими из широких коротких штанин босыми ногами, он стоял посреди зала, а в углу, на скамье, сидела и смотрела куда-то мимо него его дочь.

Не знаю почему, но я решил дождаться их выхода из поликлиники. Через четверть часа они появились на крыльце, и я выбрался из-за руля автомобиля.

Вообще-то я уже полчаса как должен был быть в офисе, куда прибыли представители из головной компании. Они привезли из Германии новые веяния, и отсутствие во время их демонстрации вице-президента вызывало, наверное, немало вопросов. Но мой телефон был отключен, и поэтому найти на них ответы ни президент, ни моя секретарь не могли.

– Я часто вижу вас во дворе своего дома, – сказал я, обращаясь больше к девочке, чем к мужчине. Мне в ту пору казалось, что такому умному человеку, как я, лучше разговаривать с двенадцатилетней девочкой, чем с таким сорокалетним мужчиной. – Я всего лишь хотел помочь вам...

Я не знал, как обозначить свой поступок. С другой стороны, казалось, что дача денег таким людям возможна и без объяснений. Вынув из бумажника несколько тысячных купюр, я протянул их девчужке.

Но она братъ не стала, а посмотрела на отца. Тот посмотрел на деньги, на меня, а потом словно нехотя выудил из предлагаемого мною веера одну бумажку.

– Я даю вам все, – объяснил я.

– Нам не нужно все, – вдруг сказал он, – спасибо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.